

802-18
4
13
2
ЧТЕНИЕ
902-83
4613
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

ГВАРДІИ КАПИТАНА А. Гейрота.

Одобрень для обращенія въ войскаъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

№№ 13, 14, 15 и 16.

Съ приложеніемъ тринадцати рисунковъ и листа чертежей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

сударю Императору съ докладомъ. Но поручикъ былъ непреклоненъ, слышать ничего не хотѣлъ, — и вотъ, главноначальствующаго въ Государственномъ Контролѣ, Донцы сволокли по всему городу въ Ордонансъ-гаузъ *), къ коменданту, который, въ отчаяніи отъ нелѣпаго усердія караульнаго офицера, не зналъ какъ извиниться передъ его высокопревосходительствомъ, барономъ фонъ-Кампенгаузенъ! А поручика гвардіи, мечтающаго о маіорскихъ эполетахъ, за неслыханную его служебную оплошность, засадили на 15 сутокъ на гауптвахту въ Чекушахъ **) и съ внесеніемъ взысканія этого въ формуляръ.

Говорили тогда, что бѣдняга-поручикъ не вытерпѣлъ напастей отъ нѣмецкихъ фамилій и вышелъ въ армію капитаномъ, съ полученіемъ роты и все съ тою надеждою — быть когда-нибудь маіоромъ.

211.5.

В. В.

*) Такъ называлось въ тѣ времена Комендантское управленіе.

**) Чекуши — отдаленная часть Васильевского острова, у самаго взморья.

СТЫЧКА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

(РАЗСКАЗЪ).

Весело бѣжить пароходъ «Самолетъ» внизъ по матушкѣ-кормилицѣ Волгѣ; богатырски рѣжетъ воду своими двумя колесами. Волна сердится на него, пѣнится, но уступаетъ дорогу. На встрѣчныя мелкія лодочки пароходъ не обращаетъ вниманія: козыремъ бѣжить мимо, попыхиваетъ, словно, трубочку покуриваетъ, и высоко вверхъ дымъ пускаетъ. А встрѣтится свой братъ пароходъ — засвиститъ, поздоровается. Тотъ тоже свиснетъ — и оба продолжаютъ бѣжать каждый своею дорогою.

Весело и капитану парохода, потому что пассажировъ много — значить, выгодно; весело и пассажирамъ, потому что день хорошій, ясный, теплый. Сегодня въ третьемъ классѣ, на палубѣ, лучше, чѣмъ въ каютахъ.

Всякій народъ на палубѣ есть: крестьяне, мѣщане, прикащики, дьяконъ съ семьей, человѣкъ пять татаръ, нѣсколько бабъ, монахиня съ книжкой, ѣдущая на низъ за сборомъ подаванія; были тутъ и три солдата, ѣхавшіе изъ Казани въ Саратовъ: пѣхотный унтеръ-офицеръ съ рядовымъ и запасный рядовой уланскаго полка. Кучками и въ одиночку расположился этотъ разнокалиберный народъ по всей палубѣ. Въ одномъ мѣстѣ говорятъ про урожай, въ другомъ — про торговлю, въ

третьемъ — какой-то малый рассказываетъ, какъ его лѣшій двое сутокъ водилъ; привираетъ въ волю, благо, его слушаютъ; здѣсь закусываютъ, тамъ спятъ. Однимъ словомъ, всякъ дѣлаетъ, что ему хочется, и сводить знакомство, съ кѣмъ пожелаетъ.

Пароходъ подошелъ къ Саратову, бросилъ сходни, и толпа пассажировъ повалила на пристань — одни совсѣмъ съ парохода, а другіе только погулять по берегу и купить чего-нибудь на дорогу, потому что на пароходѣ хоть и все есть, но дорого. Въмѣсто ушедшихъ, на пароходъ стали входить новые пассажиры.

Наши три солдата встали въ сторонкѣ и поглядывали на входившихъ, не обращая ни на кого особеннаго вниманія. Но вотъ, на сходни идетъ человѣкъ, лѣтъ 30-ти, средняго роста, плотный, съ небольшой, окладистой бородой. Одѣтъ онъ такъ, что и не разберешь, кто это такой: суконная чуйка на распашку, красная рубаха на выпускъ, красныя-же шаровары, на колышкахъ вытертыя и принявшія какой-то грязноватосѣрый цвѣтъ и запрятанныя въ высокіе, смазные сапоги съ подковами на подборахъ; на головѣ шапка съ малиновымъ околышемъ; черезъ плечо перекинута двѣ сумы съ вещами; а главное — на чуйкѣ красуется георгіевскій крестъ.

— Нашего полку прибыло, — замѣтивъ чуйку, сказалъ уланъ. — Вонъ, егорьевскій кавалеръ идетъ.

— Такъ-то, такъ, — отвѣтилъ унтеръ-офицеръ, — да только не разберу я, изъ какихъ онъ будетъ.

— А намъ-то не все-ли равно, гдѣ онъ служилъ и какого роду-племени! По моему такъ: у меня турецкая медаль болтается, а у него Егорій — значить, изъ

нашего тѣста состряпанъ... Кавалеръ! — сказалъ онъ проходившему мимо неизвѣстному, — въ нашу компанію милости просимъ!

— Благодарствуйте, — отвѣтилъ тотъ; — мнѣ сперва мѣстечко надо сыскать.

— И мѣстечко вамъ дадимъ — первый сортъ. Мы сидимъ на носу: и видно все, весело, и вѣтромъ обдуваетъ, — жары, значить, нѣтъ.

— Я отъ компаніи не отказываюсь; ѣхать поваднѣй, коли поговорить есть съ кѣмъ. Покажите, гдѣ вещи-то сложить.

Уланъ отправился съ нимъ на носъ парохода, а пѣхотные побрели на берегъ — размять ноги, да, кстати, купить рыбы, или чего другаго на дорогу.

На берегу, около пристани, бабы съ лотками сидятъ. Чего хочешь, того и просишь у нихъ: судака соленый, разная мелкая рыба, варенныя яица, печенка, пироги, калачи. Давай только деньги, — чего угодно получишь; и краснымъ словомъ награждать въ придачу, и денегъ за него не возьмутъ. Развѣ, зазѣваешься, такъ сдачи не получишь. И то, опять-таки, не въ обиду, а на пользу покупателю: обсчитаютъ тебя разъ, обсчитаютъ другой, — на третій разъ ты, ужъ, умнѣй станешь. И выходить, что бабы тебѣ пользу приносятъ — уму-разуму учать.

Купили наши молодцы судака, да по калачу; огурцовъ десятокъ прихватили и отошли въ сторону. Глядь, и уланъ съ новымъ знакомымъ къ нимъ подходитъ.

— Земляки, что это вы? Закуски купили? — крикнулъ уланъ. — Дѣло! Выходить, теперь выпить надо. Идетъ, что-ли?

Пѣхотинцы переглянулись и оба подумали одно и то-же: «выпить-то, конечно, дѣло хорошее, да только, вѣдь, на это деньги требуются, а у насъ ихъ не густо. Какая и есть копѣйка, и та дома не лишняя будетъ». А уланъ не отстаётъ.

— Чего мнетесь-то? Пойдемъ!

— Выпить... То-есть... нѣтъ... — мялся унтеръ-офицеръ.—На пароходъ не опоздать-бы!

— Какое, тамъ, опоздать! Пароходъ два часа стоитъ. Коли времени по-пусту не терять, такъ тутъ въ лоскъ напиться успѣемъ.

— Такъ-то оно такъ, да нѣтъ, не стоитъ. Къ тому-же, жарко,—нехотя отнѣкивался унтеръ-офицеръ, умильно поглядывая на красную вывѣску черезъ улицу.

— Эхъ, вы, служаки! Нешто, не знаете, что солдату на походъ чарка полагается? Намъ, вонъ, и въ Турчинѣ давали; хоть и басурманская земля, а безъ православной сивухи не обходились. А теперь мы въ дорогѣ—тотъ же походъ—значить, чарочка требуется.

— Что правда, то правда! — сказалъ новый товарищъ.—Я тоже въ басурманщинѣ жилъ, въ Туркестанѣ; однако, водку каждый праздникъ пилъ.

— Вотъ, землякъ, видно, что человекъ бывалый, боевой; хорошо рассказываешь. А эти—что! Въ бою не бывали, порошу не нюхали и пить не умѣютъ. Возьмемъ ихъ въ плѣнъ, да и отведемъ, куда слѣдуетъ.

Онъ подмигнувъ Туркестанцу, самъ взявъ подъ руку унтеръ-офицера, а тотъ—рядового, и повели рабовъ Божіихъ къ заманчивой красной вывѣскѣ. Унтеръ-офицеръ сперва показывалъ видъ, какъ будто идетъ не охотно, а потомъ зашагалъ такъ, что опередилъ

своего конвойнаго. Рядовой же, съ самаго начала, покорился и не сопротивлялся ни словомъ, ни дѣломъ.

Пропустили по стаканчику, присѣли, закусили судачкомъ,—и всѣмъ, какъ будто, веселѣй стало...

* * *

Черезъ часъ пароходъ отошелъ отъ пристани и опять побѣжалъ по спокойнымъ волнамъ великой рѣки.

Наши пріатели стояли на носу и смотрѣли на Самару. Унтеръ-офицеръ первый, глубоко вздохнувши, сѣлъ, на лежавшій тутъ, пароходный канатъ, вынулъ кисетъ, скрутилъ «цыгарку» изъ корешковъ, и пустивши клубъ дыма въ носъ не курящему улану, отъ чего тотъ зачихалъ, обратился къ новому знакомому.

— А позвольте спросить, какъ васъ по имени, отчеству звать?

— Лукьяномъ Ивановичемъ,—отвѣтилъ тотъ.

— А гдѣ вы, Лукьянъ Ивановичъ, служили и Егорія получили?

— Я—Уральскій казакъ, и по сіе время служу; только теперь на льготѣ состою. А святаго Георгія въ Туркестанскомъ округѣ получилъ, за дѣло съ Текинцами.

— Такъ... А шапка ваша форменная, уральская?

— Форменная. Хоть теперь я на льготѣ и могу всякую носить, а все-таки ношу форменную, чтобы съ мужикомъ не мѣшаться.

— А красныя шаровары тоже форменныя?

— Нѣтъ; у насъ, въ войскѣ, шаровары не такія. Это—туркестанская вещь и важная штука. Это, вѣдь, кожа. И прочно, и мяско, и дешево, а въ лѣтнюю жару

вещь первая — прохладнѣй, чѣмъ въ суконныхъ. Въ Туркестанѣ и казаки, и солдаты — всѣ въ такихъ чембарахъ ходятъ. Только краска скоро сходитъ; въ годъ два раза переокрасить придется; такъ это тамъ 15 копѣекъ стоитъ.

— А дорого стоятъ такіа чембары?

— На нихъ идетъ пара шкурокъ козовыхъ, либо бараньихъ. Козловыя будутъ стоить 2 рубля, и 2 съ четвертакомъ, а бараньи — подешевле. Ну, на шитье, да на прикладъ немного, — вотъ и все, а служить долго.

— А это, что такое у васъ, — вмѣшался уланъ, — двѣ сумы, точно торбы, вмѣстѣ сшитыя?

— Это, опять, туркестанская вещь, «куржумы» называются; по нашему «переметныя сумы». Для степи хороши. Что угодно туда положишь; черезъ сѣдло перекинешь — и поѣзжай себѣ. А не ловко сидѣть на нихъ, такъ веревочкой къ лукѣ приторочи. Ни коню, ни всаднику не мѣшаетъ и снимается скоро.

Солдаты внимательно осмотрѣли куржумы и кожаныя чембары, и убѣдились, что кожа, дѣйствительно, мягкая, и потомъ всѣ устали на Лукьяна Ивановича вопросительные взгляды, ожидая, что человѣкъ, показавшій двѣ диковинки, не остановится на этомъ, а покажетъ еще и третью. Но Лукьянъ Ивановичъ сладко зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, потомъ почесалъ спину между лопатокъ и, сѣвши рядомъ съ унтеръ-офицеромъ, сталъ глядѣть на село, красиво раскинувшееся по горѣ, на правомъ берегу Волги. Третьей диковинки у него либо не оказалось, либо безъ разспросовъ онъ не хотѣлъ показывать.

Молчаніе длилось довольно долго. Вотъ, и село осталось сзади, а Лукьянъ Ивановичъ поглядываетъ на поля и молчитъ. Наши солдатики, увидѣвши въ немъ человѣка, побывавшаго въ какихъ-то невѣдомыхъ земляхъ, надѣялись, что онъ расскажетъ имъ много занимательнаго и приготовились слушать. Лукьянъ Ивановичъ этому не препятствовалъ, смотрѣлъ на поля и равномерно, но довольно громко дышалъ. Слушать его дыханіе, оказалось не занимательно, и унтеръ-офицеръ рѣшился прервать молчаніе и заставить его рассказать.

— Лукьянъ Ивановичъ! — обратился онъ къ нему.

Тотъ повернулъ къ нему голову и смотрѣлъ вопросительно, ничего не говоря.

— Долго вы служили въ басурманщинѣ-то?

— Казачья служба извѣстна. Три года отслужилъ, а потомъ домой, «на льготу», чтобы хозяйство не запустить. Черезъ 3 года опять на службу, а потомъ опять на льготу.

— Какъ вы сказали, гдѣ служили-то? Я забылъ.

— Въ Туркестанѣ.

— Это около Турціи, значить?

— Нѣтъ, не въ той сторонѣ. Въ Туркестанскій край ѣхать надо, отъ Саратова на Оренбургъ 400 верстъ по желѣзной дорогѣ, а потомъ по станицамъ Оренбургскихъ казаковъ до города Орска 265 верстъ; потомъ дорога пойдетъ степью до самаго Ташкента. Отъ Орска будетъ 1700 верстъ. Въ Ташкентѣ туркестанскій генералъ-губернаторъ живетъ и съ этого мѣста начинаются мѣста густо населенныя, съ большими городами. А до Ташкента, въ степи, города попадаются рѣдко, да и то, небольшіе и бѣдные.

— Народъ тамъ не русскій живетъ?

— Русскаго народа, кромѣ служащихъ, да купечества, тамъ никого нѣтъ. По степямъ кочуютъ Киргизы, да Туркмены, а въ городахъ, да въ кишлакахъ (селеніяхъ) живутъ Сарты.

— А вѣра у нихъ какая?

— Вѣра у всѣхъ у нихъ магометанская, какъ у нашихъ Татаръ и у Турокъ. Въ Магомета вѣрують, свинины не ѣдятъ, вина не пьютъ, голову брѣютъ и ходятъ въ халатахъ.

— А какъ они нравомъ-то, народъ смирный, или нѣтъ?

— Со всячинкой бываетъ. Коли сила не ихняя, такъ смирны, а коли увидятъ, что ихняя возьметъ, такъ разбойничаютъ. Прежде, нашему войску постоянно приходилось съ Киргизами валандаться: нѣтъ, нѣтъ и наѣдутъ изъ степи, да угонятъ нашъ табунъ, а коли много придетъ, силы хватить, такъ станицу ограбятъ, да сожгутъ; дѣвокъ въ плѣнъ уведутъ, да продадутъ въ Хиву. Намъ приходилось бѣжать за ними въ степь, да отбивать свое добро. Когда отобьемъ, а когда и не удастся. Колачивали мы ихъ за это не мало, а они отдохнутъ, да опять за старое! Вотъ, когда нашъ Батюшка, покойный Императоръ Александръ II-й, приказалъ своимъ вѣрнымъ слугамъ порѣшить съ Коканомъ, да приструнить Хиву и Бухару, настроить по степямъ крѣпостей, да сѣсть вездѣ вѣрнымъ Русскимъ людямъ, ну, и пошли мы, сломили всѣхъ ихнихъ хановъ, забрали земель, да городовъ, сколько Его Императорскому Величеству было угодно. Вотъ, тогда и увидѣли Киргизы, что рука у Бѣлаго Царя могуча—и

присмирѣли. Опять же и то: если украсть у Русскихъ скотъ, то угнать его стало некуда: всѣ степи стали подвластны Русскимъ. И стало по степямъ тихо и мирно. Только за Хивой не весь народъ покорился, долго еще мутаражился, да разбойничалъ. Тамъ идутъ степи безводныя, не проходныя, а за этими степями живутъ Текинцы; и думали они, что Русскимъ до нихъ не добраться. Однако, расчетъ оказался не вѣренъ. Съ Бѣлымъ Царемъ шутки плохи! Нашъ Батюшка послалъ туда Скобелева и Текинцы были покорены.

— Не тамъ-ли вы и «Егорія» получили?—спросилъ унтеръ-офицеръ.

— Нѣтъ; я со Скобелевымъ не ходилъ, а все-таки, съ Текинцами разъ пришлось перевѣдаться. За это дѣло и получилъ св. Георгія.

— Эхъ, Лукьянъ Ивановичъ!—сказалъ унтеръ-офицеръ. — Человѣкъ вы, я вижу, бывалый, и компанію любите. Уважьте, расскажите намъ про житье-бытье въ Туркестанѣ, про походы, да про дѣла съ Текинцами. Любопытно послушать.

Рядовой, повеселѣвшій отъ стаканчика, нашелъ нужнымъ поддержать унтера. Онъ подошелъ къ сидящему Лукьяну Ивановичу, сѣлъ къ нему на колѣни, обнялъ и смачно поцѣловавши его, сказалъ:

— Хорошій вы человѣкъ, Лукьянъ Ивановичъ, уважьте компанію.—Потомъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, оставивши правую руку на плечѣ Лукьяна Ивановича.

— Спасибо за ласку,—отвѣтилъ тотъ.—Коли вамъ желательно, я радъ угодить компаніи и рассказать, что знаю. Ну, ладно, слушайте. Расскажу я вамъ, гдѣ былъ-побывалъ въ 1880 году, и какъ св. Георгія заработалъ.

Лукьянъ Ивановичъ усѣлся по покойнѣе, откашлялся и началъ разсказъ.

* * *

«Въ 1880 году, сотня наша не мало погуляла по Туркестанскому округу. Въ началѣ года, весь полкъ стоялъ на нашихъ постоянныхъ квартирахъ, въ городѣ Самаркандѣ; весной, три сотни командированы были въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Говорили, что это командировка не долгая, только на одно лѣто, а на дѣлѣ вышло, что мы больше года проходили. Маршрутъ данъ былъ чрезъ Бухарское ханство. Прошли мы и стали въ укрѣпленіи Петро-Александровскомъ, отъ Самарканда верстахъ въ 700; простояли тамъ лѣто, а въ сентябрѣ нашу сотню послали въ степь, въ отрядъ генералъ-маіора Глуховскаго, и проходили мы до 18-го декабря. Передъ самымъ Рождествомъ, значить, вернулись на зимнія квартиры, въ топленую казарму. Не больно длиненъ, кажись, этотъ походъ, а памятенъ мнѣ; пришлось всего испытать по маленьку: и холода, и голода, и работъ земляныхъ, и переходовъ 100-верстныхъ. Про бѣдное житье-бытье у насъ въ станицахъ говорятъ такъ: «часомъ—съ квасомъ, а порой—съ водой». А тамъ, въ отрядѣ, и воды-то вволю не было. Впрочемъ, вы не подумайте, что я жалуясь. Сохрани Богъ! Терпѣть не могу я долго на мѣстѣ сидѣть; такая скука отъ этихъ мирныхъ занятій въ казармахъ! Каждый Божій день—одно и то же. Нѣтъ, ужъ каковъ ни есть походъ, а все лучше долгой стоянки. Да мнѣ-то жаловаться и грѣхъ, потому что не даромъ сходилъ—св. Георгія 4-й степени получилъ.

«Отрядъ генералъ-маіора Глуховскаго находился за Хивинскимъ ханствомъ, и старался, сколь возможно, дальше углубиться въ дикую, ненаселенную степь.

«Широко раскинулись степи хивинскія; только царiorлы, Туркмены *)—разбойники, да русскіе отряды перейти черезъ нихъ могутъ. Главная трудность отъ того, что воды нѣтъ; на туркменскихъ разбойничьихъ тропинкахъ есть колодцы, да и тѣ на разстояніи другъ отъ друга верстъ 200, а то и больше.

«Отрядъ нашъ углубился верстъ на полтора-два въ глубь степи, нарывши колодцевъ въ четырехъ мѣстахъ: на Чагилѣ, Кызыль-Ча-Куюсахъ, Шахъ-Сенемѣ и Гяурь-Калѣ. На Кызыль-Ча-Куюсахъ стоялъ самъ генералъ, и мнѣ пришлось тамъ пробыть весь октябрь мѣсяцъ. Колодцевъ тамъ было нарыто много, только они были маловодны; воды не хватало, почему кавалерію тамъ не держали. Она стояла на Турпакъ-Калѣ, гдѣ воды было вволю, а на Кызыль-Ча-Куюсахъ стояло казаковъ 15 или 20, какъ случится.

«Не казиста была стоянка: кругомъ—сыпучіе пески; барханы **), точно горы, поднимаются. Вѣтеръ подуетъ—въ глаза, въ уши, въ ротъ песку набьется вволю. Еще хорошо, что намъ пришлось стоять тамъ осенью; а если-бы лѣтомъ, такъ отъ жары натерпѣлись-бы не мало.

«Мы стояли на дорогѣ, идущей отъ кочевьевъ Юмудскихъ къ Ахалъ-Текинцамъ. Верстахъ въ шести отъ

*) Туркмены — полудикій народъ; раздѣляется на нѣсколько племенъ. Изъ нихъ главные: Юмуды и Текинцы.

**) Песчаные бугры.

Кызыль-Ча-Куюсовъ, эта дорога раздѣляется на двѣ: одна идетъ на занятія нами мѣста: Шахъ-Сенемъ и Гяуръ-Калу, а другая—на колодцы Лайлы. По этимъ дорогамъ ходятъ только разбойники Текинцы—грабятъ Юмудовъ, да Юмуды—грабятъ Текинцевъ. Миновать имъ дорогъ нельзя, потому что на дорогѣ есть колодцы, а пойдешь стороною, такъ безъ воды погибнешь.

«На развѣтвленіи дорогъ, у насъ стоялъ пикетъ изъ четырехъ казаковъ. Поставленъ онъ былъ мастерски. Наверху огромнаго бархана, высоты сажень въ 20, нашлась большая котловина. Барханъ былъ одинъ изъ самыхъ высокихъ, а котловина такъ глубока, что коннаго не видать. На днѣ котловины располагались люди и лошади, а часовой обходилъ кругомъ, все видѣлъ, а у себя показывалъ только одну голову.

«Въ это время, генераль Скобелевъ велъ войну съ Текинцами, и можно было ожидать, что Текинцы, зная объ нашемъ отрядѣ, могутъ придти и не для грабежа Юмудовъ, а для нападенія на насъ. По этому-то случаю и стоялъ пикетъ для наблюденія за дорогою, и велѣно было ему смотрѣть въ оба и, если увидитъ шайку, то не вступать съ ней въ дѣло, а сейчасъ же послать одного казака на бивуакъ—дать знать, а самимъ прослѣдить, куда идетъ шайка и скрытно отступать къ бивуаку.

* * *

«26-го октября назначены были въ пикетъ: Илья Петровичъ, татаринъ Ахметъ и я, а за старшаго — приказный *) Терехинъ. Пораньше пообѣдали, взяли съ

*) Казачій приказный—все равно, что въ пѣхотѣ ефрейторъ, а въ артиллеріи—бомбардиръ.

собою на сутки фуража, пищи, по турсуку *) воды для себя и для лошадей, и отправились.

«Смѣнили пикетъ, поставили часоваго. Лошадей на приколы, отпустивши имъ немного подпруги. Разсѣдывать на пикетѣ не полагается. Сами разостлали шинели и болтаемъ о разныхъ пустякахъ, чтобы убить время.

«Вотъ, солнышко перевалило за полдень; стало спускаться. Въ три часа я сталъ на часы. Похаживаю кругомъ, поглядываю: со всѣхъ сторонъ барханы — большіе и маленькіе, круглые и длинные; между ними иногда такыры **) попадаютъ. Вездѣ мертвая тишина: ни птица не пролетитъ, ни звѣрь не пробѣжитъ.

«Однако, простоялъ я съ полчаса и вижу, что изъ за бархановъ выѣзжаютъ нѣсколько человѣкъ. Доложилъ старшему. Всѣ казаки поднялись. Смотримъ: выѣхало семь человѣкъ туркменъ, примѣрно, въ верстѣ отъ насъ. Высокія бараньи шапки, халаты, на лошадяхъ попоны—все, какъ у джигитовъ, служащихъ при отрядѣ. Идутъ не на насъ, а мимо, отъ Юмудской стороны къ Текинской. Что за народъ,—разобрать не можемъ. Коли это текинцы, такъ ужъ больно мало ихъ, да и идутъ-то не съ той стороны; коли наши джигиты, изъ Юмудовъ, такъ куда ихъ станутъ посылать сразу семь человѣкъ? Посылаютъ ихъ съ бумагами да съ письмами по одному и, много, по два человека. Терехинъ приказалъ мнѣ сѣсть верхомъ и

*) Баранья шкура. Въ нихъ степняки и русскіе возятъ въ степи воду.

**) Гладкое, твердое мѣсто, безъ песка.

скрытно подъѣхать поближе, посмотрѣть, не идутъ-ли туркмены еще тамъ, правѣ ихъ.

«Я сѣлъ, выѣхалъ на сосѣдній барханъ; сталъ за гребнемъ, гляжу—ничего не видать, кромѣ этой кучки. А впереди и немного вправо—высокій барханъ; только скрытно до него не доберешься: черезъ такыръ перебѣжать надо.—«Ну, думаю, не бѣда, коли и замѣтятъ». Далъ я нагайку и карьеромъ пустился къ высокому бархану. Вижу: туркмены остановились, посуетились малость, да и пустились на меня. Значить, не вышло мое дѣло. Повернулъ я коня и побѣжалъ назадъ, къ своимъ. Казаки все это видѣли, и когда я вернулся, то засталъ ихъ уже на коняхъ. Терехинъ сейчасъ же велѣлъ Ильѣ Петровичу карьеромъ ѣхать въ отрядъ, дать знать; а намъ сказалъ, что будемъ отступать на рысяхъ, или шагомъ,—какъ придется.

«Мы, съ Ахметомъ, сказали—было, что не резонъ тремъ казакамъ бѣжать отъ семи халатниковъ, но Терехинъ прикрикнулъ:

«— Не разговаривать! Не бѣгу я отъ семи халатниковъ, а исполняю приказъ начальства и въ порядкѣ отступаю. Если-бы бѣжалъ, такъ съ нимъ вмѣстѣ-бы, карьеромъ. — И онъ указалъ на ускакавшего Илью Петровича, а намъ скомандовалъ:—«рысью, ма-а-аршъ»!

«По дорогѣ, Терехинъ, на случай спѣшиванья и пальбы, велѣлъ Ахмету быть коноводомъ.

«Мы отъѣхали шаговъ 500, когда на барханѣ, гдѣ мы въ пикетѣ стояли, показались туркмены. Видимъ, они сдержали коней. Должно быть, совѣщаются, что дѣлать, увидѣвши, что тутъ не одинъ, а три казака. Илья Петровичъ ужъ давно скрылся за барханами.

Однако, оказалось, что это совѣщаніе идетъ на языкѣ не туркменскомъ, а на пороховомъ—послышались выстрѣлы и около насъ засвистѣли пули.

«— Ахъ, стрѣли ихъ въ бороду!—выругался Терехинъ.—Видно, и отъ насъ надо имъ орѣшковь послать! Стой, равняйся! Къ пѣшему строю! Слѣзай!—скомандовалъ онъ.

«Спѣшились, послали по двѣ пули. Туркмены сейчасъ же разсыпались въ разныя стороны.

«Мы опять сѣли на коней и поѣхали той же ровной рысью. Прибавлять аллюра было нельзя; туркмены подумали-бы, что мы испугались; а переходить въ шагъ незачѣмъ.

«Однако, насъ не оставили въ покоѣ. Видя, что мы уходимъ, туркмены въ разсыпную слѣдовали за нами, посылая въ догонку свинцовые гостинцы. Иногда, пули свистѣли очень близко отъ насъ.

«— Не унимаются, окаянные! На этомъ барханѣ опять надо будетъ остановиться,—сказалъ Терехинъ, указывая на барханъ, шагахъ въ 200 отъ насъ.—Ты, Иванычъ, — сказалъ онъ мнѣ,—смотри, не торопись, цѣлься хорошенько. Лучше стрѣлять рѣдко, да мѣтко.

«На барханѣ мы спѣшились; лошадей поставили скрытно, а сами легли на гребень. Туркмены, не видя насъ, думали, что мы продолжаемъ отступать и прибавили аллюра, сами, вѣроятно, желая воспользоваться этимъ барханомъ. Мы подпустили ихъ шаговъ на 200 и открыли огонь по очереди: одинъ стрѣляетъ тогда, когда другой зарядилъ. Что за штука вышла, вспомнить любо-дорого! Какъ ошпаренные, остановились ха-

латники отъ перваго выстрѣла невидимаго врага; а когда, отъ второй моей пули, одинъ кувырнулся съ сѣдла, остальные дали такой тылъ, что только подковы засверкали. Тутъ мы стали стрѣлять безъ всякой очереди, потому что опасаться было нечего и про запасъ пулю въ дулѣ держать не было надобности.

«Вдругъ, Ахметъ крикнулъ намъ:

«— Обходить! Садитесь скорѣй на коня!

«Вскочивши на ноги, мы увидѣли, что на нашемъ правомъ флангѣ скачетъ большая толпа Текинцевъ.

«Въ одно мгновеніе, вскочили мы на коней, дали нагаекъ и помчались къ отряду, боясь быть отрѣзанными. Дѣло становилось не шуточное; не съ семью человѣками приходилось раздѣливаться.

«Халатники перехитрили. Теперь намъ стали ясны всѣ ихъ замыслы. Семь человѣкъ, своею перестрѣлкою, хотѣли только задержать насъ и дать время своимъ товарищамъ обойти и окружить насъ со всѣхъ сторонъ. Высокіе барханы позволяли сдѣлать это скрытно, а перестрѣлка показывала имъ, гдѣ мы находимся. Можетъ, и удалось-бы имъ окружить насъ, да на пути попался длинный такыръ, черезъ который имъ пришлось переѣхать. Тутъ-то Ахметъ и замѣтилъ ихъ. Догадливый парень поглядывалъ во всѣ стороны.

32.6.

Сергѣй Потѣхинъ.

(Окончаніе будетъ въ слѣдующей книгѣ.)

ПРОВОДЫ.

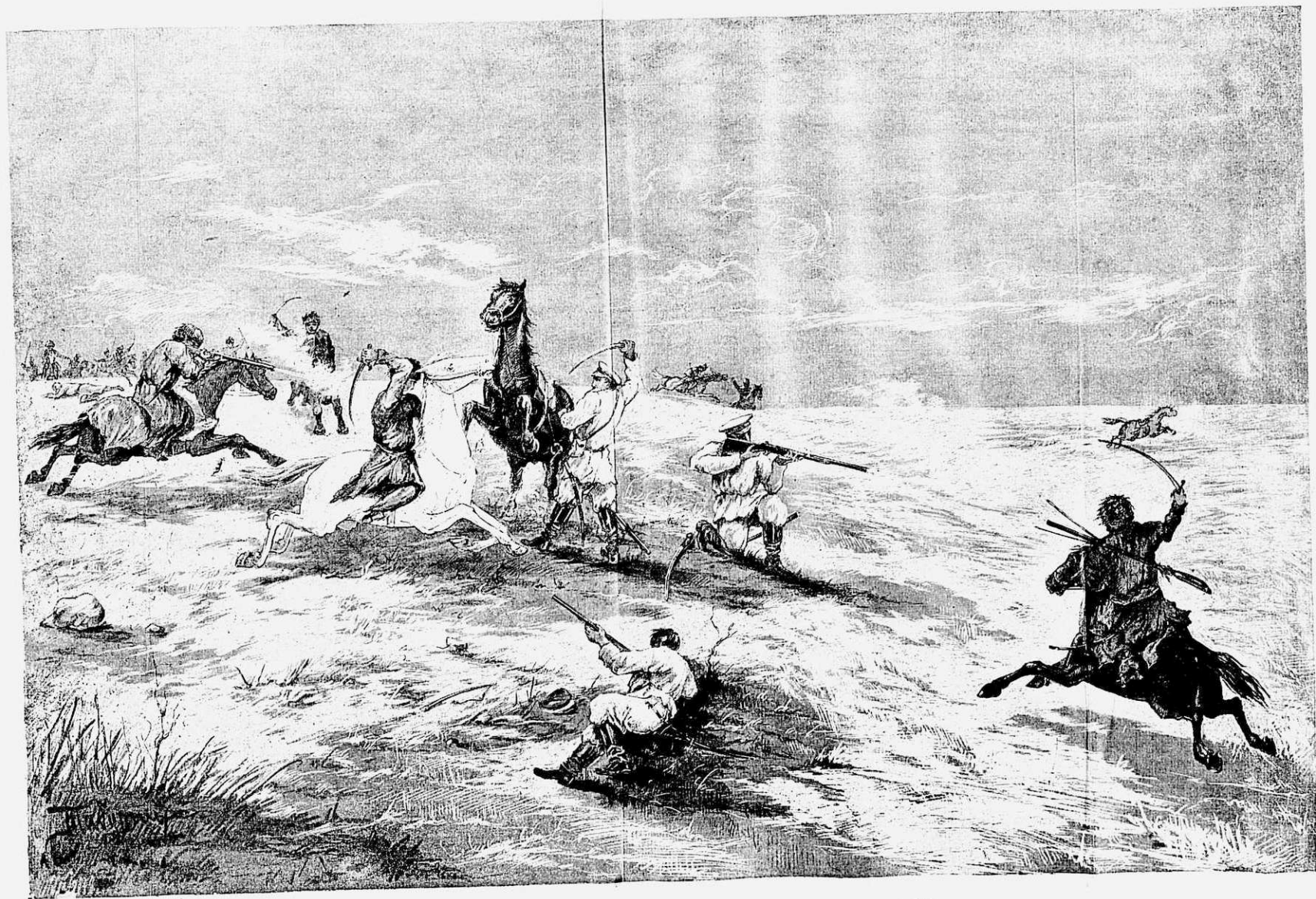
(Картинка съ натуры).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1876 года, въ городѣ Эйскѣ (южной Россіи), на платформѣ мѣстной желѣзной дороги собралась толпа народа. Одна изъ пѣхотныхъ дивизій, отправлялась, въ ту пору, на войну, въ Болгарію, тогда еще—жертву неистовствъ турецкихъ баши-бузукъ.

Солдатъ уже разсадили по вагонамъ, уложили весь багажъ, разставили обозныя фуры и всякія телѣги, размѣстили обозныхъ лошадей и верховыхъ офицерскихъ и тому подобное. Раздѣлившись на кружки, уѣзжавшіе и провожавшіе переживали послѣднія минуты передъ разлукою. Солдатскія жены съ дѣтьми, матери, отцы, родственники и родственницы отъѣзжающихъ тѣснились около вагоновъ, изъ оконъ которыхъ выглядывали дорогія для нихъ лица. Глаза женъ и матерей были заплаканы; слышались, порою, вздохи, отрывочныя рѣчи, которыми мѣнялись отъѣзжающіе съ остающимися.

— Гдѣ тутъ мой-то?—вздыхая, говорила какая-то солдатка, протискиваясь впередъ.—Нутка-сь, Аннушка, посторонись маленько. Будетъ съ тебя—поглядѣла и довольно; другимъ тоже, чай, хочется, а то, на! Слово тумба какая, намъ передъ глазами...

— Батюшки! Куда я своего Антона-то дѣвала, —

СТЫЧКА СЪ ТЕКИНЦАМИ. — Раненый Ахметъ выручаетъ Лукьяна Иваныча.

802-18
5

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СООЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГВАРДІИ КАПИТАНА А. Гейрота.

Одобрень для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ двухъ рисунковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СТЫЧКА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

(Окончаніе *).

«Съ винтовками въ рукѣ, сломя голову, скакали мы по такыру; на скаку вложили патронъ. Однако, и текинцы не зѣвали: на своихъ знаменитыхъ скакунахъ, высокихъ и поджарыхъ, какъ борзые собаки; легкихъ и быстрыхъ, какъ сайчаки **); крѣпкихъ и неутомимыхъ, словно выточенныхъ изъ стали, они, какъ птицы, неслись намъ на перерѣзъ, съ каждою минутою еще и еще прибавляя ходу.

«Поздно замѣтили мы ихъ; много времени потратили на перестрѣлку... Впереди насъ—текинцы. Скоро путь намъ будетъ отрѣзанъ...

*) Начало было помѣщено въ предыдущей книжкѣ «Чт. для Солд.» сего года.

**) Степная антилопа, похожая на оленя.

«Шашками прорубить себѣ дорогу не легко: насъ—трое, а ихъ—человѣкъ тридцать, либо сорокъ. Кромѣ того, вся сила туркмена въ конномъ строю. Не выгодно намъ въ шашки идти!

«—Отсиживаться станемъ,—сказалъ Терехинъ.—На этомъ барханѣ клади коней *) и берись за винтовки. Да живо, не зѣвать!—И онъ указалъ на барханъ впереди насъ.

«На Уралѣ, въ станицахъ, старухи говорятъ, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». У насъ было не то. Сколько времени я рассказываю вамъ, что было съ тѣхъ поръ, какъ мы увидѣли обходную толпу! А на дѣлѣ-то это живѣй было. Времени не было на раздумыванья; соображать и дѣлать—сразу приходилось. Съ полъ-версты только мы проскакали, съ минутой времени ушло.

«Выскочили на барханъ, спрыгнули съ сѣдла и принялись класть коней. Но разгоряченные лошади не легко ложатся. Пока мы возились съ ними, текинцы, не сразу замѣтившіе нашъ маневръ и сначала продолжавшіе скакать намъ на перерѣзъ, увидѣли, въ чемъ дѣло, сдержали коней и повернули на насъ.

«Я положилъ своего противъ передней шайки; Ахметъ только подогнулъ колѣна своему гнѣдому, собираясь положить его противъ заднихъ шести человѣкъ (одного изъ нихъ я убилъ); а у Терехина конь только вертится, а не ложится; оттащилъ самого его шаговъ на десять отъ насъ. Въ это время, надъ головой Те-

*) Казаки, въ случаѣ большаго перевѣса силъ противника, кладутъ коней на землю, а сами ложатся за ними и отстрѣливаются, какъ изъ за бруствера.

рехина прожужжала первая пуля, пущенная изъ передней толпы, за нею—вторая... Я отвѣтилъ на разговоръ и послалъ имъ отъ себя гостинчикъ.

«Терехинскій конь взвился на дыбы.

«—Чтобъ тебя черти взяли, проклятая животина!—выругался Терехинъ и отпустилъ поводья.

«У Ахмета гнѣдой тоже вскочилъ и мой забарахтался, глядя на нихъ. Я удержалъ своего за голову, а Ахмету Терехинъ приказалъ бросить коня.

«Получившіе свободу, кони пустились въ степь, поднимая клубы пыли. Отъ шайки отдѣлилось нѣсколько человѣкъ—ловить добычу. Терехинъ и Ахметъ взялись за винтовки.

«Тѣмъ временемъ, вся орава Текинцевъ неслась на насъ, какъ стая голодныхъ волковъ на трехъ жеребятъ, отбившихся отъ табуна. Ихъ дикое «уръ, уръ!» раздававшееся изъ сорока здоровыхъ глотокъ, похоже было на ревъ какихъ-то звѣрей. Да и сами они мало похожи были на людей: лица звѣрскія, темныя, точно глиной вымазаны, бороды черныя; въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, съ закругленнымъ верхомъ и длинною шерстью, нависшею на глаза; въ разноцвѣтныхъ халатахъ, полы которыхъ развѣвались на скачкѣ, и съ ихнимъ дикимъ крикомъ, они похожи были на какихъ-то чертей, вырвавшихся изъ самого ада.

«На наше счастье, они бѣжали не грудно. Нашу остановку первые замѣтили тѣ, которые были сзади и правѣй, т. е. ближе къ намъ. Они и повернули раньше, а другимъ крикнули. Пока тѣ сдержали коней и повернули, первые уже скакали на насъ, не дожидаясь послѣднихъ.

«Намъ, сверху бархана, хорошо была видна вся шайка, рассыпавшаяся по одному и по два человѣка. Кто держалъ въ рукѣ ружье, а кто, выстрѣливши на скаку, закидывалъ его за спину и хваталъ шашку, готовясь къ рукопашной.

«Трудныя минуты пришлось переживать намъ. Неудача положить коней и потеря двухъ изъ нихъ лишили насъ защиты отъ пуль, а возня съ лошадьми отняла отъ дѣла двѣ винтовки: Ахметъ и Терехинъ взялись за нихъ уже тогда, когда текинцы были у насъ на носу. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ, что не сдобровать намъ; однако, не сказалъ этого громко. У меня сердце сначала сжалось отъ томительнаго желанія жизни, которую собирались отнять и которая показалась мнѣ тогда такъ хороша... Какъ я люблю ее!... «Господи, помоги, спаси!...» Но это чувство продолжалось не долго; оно смѣнилось страшной ненавистью къ виновникамъ опасности, текинцамъ. Я-бы, кажется, какъ волкъ, истерзалъ ихъ, если-бы могъ. Какъ вѣрнаго друга, прижалъ я къ плечу свою винтовку, и безъ всякаго расчета, почти не цѣлясь, выстрѣлилъ въ перваго текинца, бывшего шагахъ въ 30-ти отъ меня.

«Это былъ юноша, лѣтъ 19-ти, съ непробившимся еще пухомъ на подбородкѣ. Статный, съ нѣжными чертами лица, не похожаго на звѣрскія фізіономіи товарищей, съ глазами, разгорѣвшимися отъ удали, этотъ юноша, бывшій сначала не изъ первыхъ, на своемъ кровномъ, гнѣдомъ жеребцѣ, пылкомъ и быстрымъ, какъ и хозяинъ, опередилъ другихъ.

«Рядомъ съ юношей, отставши на полъ-лошади, ска-

калъ другой текинецъ, одновременно со мною выстрѣлившій.

«Я услышалъ сзади стонъ, но не имѣлъ времени оглянуться. Оказалось, что этимъ выстрѣломъ онъ свалилъ Ахмета, ранивъ его въ лѣвое плечо.

«Я не успѣлъ вложить новаго патрона, какъ эти двое наскочили на меня съ шашками. Я самъ выхватилъ шашку и вскочилъ на ноги. Вскочившій, испуганный, мой конь отдѣлилъ меня отъ одного врага, но шашка юноши опустилась на меня со страшною силою. Я подставилъ подъ ударъ свою шашку; но это только ослабило, а не отразило удара.

«Какъ огнемъ, обожгло мнѣ голову; искры посыпались изъ глазъ.—«Пропалъ!»—подумалъ я; но сію-же секунду оправился. Вижу, что стою на ногахъ,—значить, раненъ не тяжело.

«Шашка юноши снова поднялась; но въ это время Ахметъ, уже лежавшій на землѣ, собралъ послѣднія силы, приподнялся и выстрѣлилъ, держа ружье одною правою рукою. Не выдержавъ отдачи, онъ самъ полетѣлъ навзничъ, а пуля сдѣлала свое дѣло, смертельно ранивъ коня юноши. Какъ разъ въ это время, когда тотъ другой разъ поднималъ шашку, раненый конь взвился на дыбы. Его хозяинъ хотѣлъ спрыгнуть съ сѣдла, но я, ловкимъ ударомъ, отсѣкъ ему голову. Конь и всадникъ пали рядомъ.

«Все это произошло такъ быстро, что голова моя закружилась; я былъ, какъ въ чаду; однако, не забылъ, что за спиною стоитъ другой врагъ, отъ котораго я случайно заслоненъ конемъ на нѣсколько секундъ.

«Покончивши съ однимъ, я быстро повернулся къ

другому, готовясь отразить нападеніе; но въ это время, текинцы, вмѣсто «уръ», закричали: «Урусъ якынъ! Айда!» (Близко русскіе! Бѣгите!) Мой противникъ тревожно оглянулся, опустил шашку, повернулъ коня мимо меня влѣво и, подскочивши къ убитому товарищу, хотѣлъ нагнуться и поднять его. Я подскочилъ къ нему съ шашкой и текинецъ проскочилъ дальше.

«Воспользовавшись минутной передышкой, я взглянулъ на товарищей и увидѣлъ, что Терехинъ присѣлъ на колѣни и держитъ ружье на изготовкѣ; не стрѣляетъ, а грозитъ тѣмъ, которые скачутъ противъ него. Ахметъ же лежитъ на землѣ пластомъ.

«— Крѣпись, наши показались!—крикнулъ Терехинъ, и я тутъ только сообразилъ, почему текинецъ хотѣлъ поднять убитаго товарища и прекратилъ нападеніе на меня.

«Казаки, бѣжавшіе къ намъ на выручку, были въ полу-верстѣ отъ насъ.

«Я подбѣжалъ ближе къ Терехину и считалъ опасность на половину миновавшей. Текинцы, видимо, трусили: почти всѣ бѣжали мимо насъ стороною. Терехинъ наводилъ дуло на ближнихъ и тѣ объѣзжали его, видя эту угрозу. Два человѣка, скакавшіе рядомъ, пробовали поднять трупъ убитаго, сдержали около насъ коней; но я подбѣжалъ съ шашкой и тѣ усаkali.

«Наконецъ, миновали насъ послѣдніе четыре текинца. Терехинъ выпустилъ по нимъ свою пулю; одинъ изъ нихъ вскрикнулъ; къ нему живо подскочилъ товарищъ и, должно-быть, поддержалъ его... Все скрылось изъ нашихъ глазъ въ густомъ облакѣ пыли, поднятомъ шайкою.

* * *

«На минуту, мы остались одни и съ радостью смотрѣли на нашихъ. Впереди всѣхъ, на росломъ, статномъ, гнѣдомъ жеребцѣ, скакалъ полнымъ карьеромъ артиллеристъ, штабсъ-капитанъ Тебеньковъ, а за нимъ, безъ всякаго строя, толпою, какъ текинцы, но птицами, летѣли человѣкъ шесть Уральцевъ и одинъ молодой пѣхотный офицеръ.

«Увидѣвши насъ и убитого текинца, штабсъ-капитанъ Тебеньковъ скомандовалъ «рысью» и, обратившись къ офицеру, громко сказалъ:

«— Подпоручикъ Накасинъ, скачите къ начальнику отряда и доложите, что пикетъ вырученъ и я прошу послать пѣхоту. Самъ я пойду впередъ, постараюсь узнать, сколько непріятеля, и если попаду въ засаду, то буду отсиживаться и ждать выручки отъ пѣхоты.

«Подпоручикъ Накасинъ поскакалъ назадъ, а штабсъ-капитанъ Тебеньковъ оглянулся и увидѣлъ, что сзади его маленькой горсти казаковъ, по одиночкѣ, скачутъ Уральцы, отставшіе, или поздно выѣхавшіе, далъ шпоры своему жеребцу, мигомъ вынесся впередъ казаковъ и опять сдержавъ горячаго карабоира, крикнулъ:

«— Не обгонять меня! За мной! Кучнѣй, рысью! Живо, по три рассчитайся для спѣшиванья!

«Подъѣзжая къ бархану, на которомъ мы отстрѣливались отъ семи текинцевъ, онъ скомандовалъ: «маршъ, маршъ», на гребнѣ остановился, далъ три залпа и, посадивши опять казаковъ на коней, скрылся изъ нашихъ глазъ въ облакъ пыли и пороховаго дыма.

«Мы, съ Терехинымъ и Ахметомъ, опять остались

втроемъ. У меня голова все еще была въ какомъ-то чадѣ отъ всѣхъ этихъ событій, такъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, и отъ раны, которая теперь стала давать себя чувствовать. Къ этому присоединилась еще и обида: насъ обманули Текинцы, обошли и изрубили-бы, если-бы во время подоспѣвшая помощь не выручила! Мы тремя винтовками отбивались отъ цѣлой шайки, потеряли коней, пролили свою кровь! А теперь, когда враги бѣгутъ, когда ихъ надо наказать за дерзость, будутъ работать другіе! Мы же, безконные, должны остаться на мѣстѣ и только посматривать, какъ наши товарищи идутъ въ дѣло за Царя и Русь Святую!... Это-ли не обида?...

«А отставшіе казаки, какъ нарочно, все по одиночкѣ подъѣзжаютъ. Каждый поднимается на нашъ барханъ, поглядитъ на насъ, дастъ пагайку и пустится догонять своихъ.

«Намъ сидѣть на мѣстѣ было не для чего; надо было домой идти. Моя рана много меня не тревожила и крови вышло мало, а у Ахмета—дѣло другое, крови цѣлая лужа, силъ лишился: пальцемъ двинуть не можетъ; лежитъ блѣдный, стиснувши зубы. Видно, что страдаетъ сильно, только стонать не хочетъ, перемогается.

«Я снялъ съ себя рубашку, и мы, съ Терехинымъ, кое-какъ перевязали ему рану, чтобы остановить кровь. Снять мундира не могли и разрѣзали его шашкой. Промывать рану было нечѣмъ,—воды не было. Наши турсуки на мѣстѣ пикета остались.

«Терехинъ послалъ меня на бивуакъ, дать знать и привести людей—унести раненаго. Я отправился, и не

прошелъ и версты, какъ встрѣтилъ роту, бѣгущую на выстрѣлы. Солдатики запыхались, растянулись, отъ труднаго бѣга по сыпучимъ пескамъ, но однако, не уменьшаютъ бѣга; безъ суеты, безъ лишней торопливости, бѣгутъ впередъ съ радостью на лицахъ. Каждый счастливъ, доволенъ, что идетъ въ дѣло. На ученьи не пробѣжали-бы столько: легла-бы рота; а тутъ—откуда сила берется у русскаго человѣка, особенно, когда онъ идетъ на выручку своихъ!

«И за что это Богъ наказалъ меня?» — подумалъ я. — «Всѣ-то въ дѣло идутъ; только я одинъ, какъ подлый трусъ, отъ дѣла домой утекаю!»

«Наскоро рассказалъ я ротному командиру, что недалеко раненый казакъ лежитъ и со сколькими Текинцами мы дѣло имѣли, и побрелъ печально домой. Солдаты посматривали на мою разсѣченную шапку и кровь на лбу и щекѣ; иные, не останавливаясь, спрашивали, какъ я раненъ; иные, ничего не говоря мнѣ, указывали на меня товарищамъ, а большинство, участливо и, ничего не сказавши, прибавить бѣгу.

«Пришелъ я домой. Въ околodкѣ мнѣ промыли, примочили чѣмъ-то рану и пустили на всѣ четыре стороны, потому что съ царапиной долго возиться нечего.

«Пошли разспросы: какъ, да что. На бивуакѣ оставались еще рота, да полубатарей. Глядя на нихъ, и у меня отлегло отъ сердца. Увидѣлъ я, что имъ еще хуже нашего пришлось. Долго-ли, коротко-ли; худо-ли, хорошо-ли—а все-таки, мы дрались. Здѣсь же столько народу осталось, которымъ и увидѣть-то Текинцевъ не удалось. Что же дѣлать? Не всякому счастье. На то воля Божія. Мириться надо.

«Черезъ часъ времени, послѣ моего прихода, вернулась рота. Ахмета на шинели принесли. А вскорѣ, послѣ заката солнечнаго, и казаки прибѣжали.»

* * *

Разсказчикъ замолчалъ. Онъ задумался, устремивши взоръ куда-то въ даль. Думалъ-ли онъ о привольныхъ степяхъ туркестанскихъ, о былыхъ походахъ, или въ головѣ его снова проносились сцены лихой схватки, о которой онъ только что рассказывалъ — не извѣстно. Призадумались и слушатели, перенесенные рассказомъ въ невѣдомый, отдаленный край. Наконецъ, унтеръ-офицеръ глубоко вздохнулъ, тряхнулъ головою, какъ будто освобождаясь отъ налегшей на него думы и сказалъ:

— А что же, Лукьянъ Ивановичъ, чѣмъ дѣло кончилось?

— Ахметъ выздоровѣлъ-ли?—прибавилъ рядовой. — Потерялъ онъ руку, или вылечили?

— Ахметъ,—продолжалъ ровнымъ голосомъ Лукьянъ Ивановичъ,—выздоровливалъ долго. Пуля прошла около большой жилы и немного ее поцарапала; но, по счастью, не пробила. Боялись, что попорченная жила прорвется—и тогда смерть. Однако, поправился парень; а такъ какъ большихъ костей у него не повредило, такъ и рукой владѣть. Прошлаго года опять въ Туркестанъ на службу со льготы ушелъ.

— Что же, и ему крестъ дали?—спросилъ рядовой.

— Какъ же не дать! Человѣкъ раненъ былъ почти что смертельно, на землѣ лежалъ, а объ товарищѣ позаботился, выручилъ. Кабы не онъ, можетъ, мнѣ не

сдобровать-бы. Черезъ два мѣсяца намъ всѣмъ троимъ изъ Ташкента выслали.

— Ну, а дѣло-то чѣмъ кончилось? — повторилъ свой вопросъ унтеръ-фицеръ.

— Да какъ такъ, къ вамъ, казаки-то, въ такомъ безпорядкѣ на выручку бѣжали? — прибавилъ уланъ. — Безъ строя, безъ расчета, словно — стадо барановъ!

— И подъ командой не казачьяго офицера, а артиллериста! — вставилъ рядовой.

— Можетъ, у васъ, въ Туркестанѣ, — продолжалъ уланъ, — на строй и вниманія-то не обращаютъ. Никакое начальство туда не заглядываетъ — и обученія нѣтъ! Одно названіе только, что кавалерія, а на самомъ дѣлѣ — неучи.

Слова эти задѣли за живое лихаго казака, да и пѣхотные выпучили глаза, услышавши такой отзывъ о лихихъ казакахъ. Покраснѣлъ Лукьянъ Ивановичъ, вскочилъ и, взглянувши на улана и пѣхотнаго рядового, съ гордымъ презрѣніемъ выпалилъ:

— Дураки вы всѣ — и больше ничего! Олухи Царя Небеснаго! Головы-то, видно, вамъ даны только на то, чтобы шапки носить, а не мозгами раскидывать! Тоже, бахвалятся, нашего брата ругаютъ! Туркестанцы, молъ, строю не обучены; Туркестанцы, ровно, стадо барановъ! Васъ-бы, бахваловъ, послать на выручку! Вы-бы сперва своего офицера дождались. Тотъ, вишь ты, отъ нечего дѣлать, за барханы погулять ушелъ. А потомъ, вы построились-бы, рассчитались; наконецъ, офицеръ, оглядѣвши сѣдловку, привелъ бы васъ на пикетъ, — къ товарищамъ на похороны, а не на выручку. Нѣтъ, Туркестанцы не такъ дѣло дѣлаютъ. И сомкнутому строю,

и пальбѣ, и джигитовкѣ мы почище другихъ обучены, да только знаемъ, гдѣ это нужно и гдѣ дѣлу не мѣшаетъ!

— Такъ, такъ, — сказалъ унтеръ-офицеръ. — Извѣстно, тутъ, первое дѣло, — скорость. Некогда строиться.

— По нашему, по туркестански, надо такъ: коли слышали выстрѣлы, такъ и бѣги на помощь къ товарищамъ; особенно, если знаете, что отстрѣливаются только трое, либо четверо. Тутъ нужна помощь, хоть и не большая, да скорая. Коли 6 человекъ прибѣгутъ — и то, силы-то утроятся! Остальные послѣ прибѣжать успѣютъ. Пяти минутъ не пройдетъ, какъ всѣ, до одного, соберутся. Тутъ не красивый строй требуется, а скорая помощь!...

Между тѣмъ, новые знакомцы заварили чай и тутъ же стали пить его. Послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю, по просьбѣ солдатъ, Уралецъ продолжалъ свой рассказъ.

* * *

«Вѣтерокъ, въ тотъ день, былъ отъ пикета къ bivуаку. Нашъ посланный, Илья, еще не прибѣжалъ, когда тамъ слышали выстрѣлы. Начальнику отряда еще не успѣли доложить, а крикнули: «сѣдлать!» Кто крикнулъ — неизвѣстно. Всякій понимаетъ, что если отстрѣливаются съ пикета 4 человека, такъ надо полагать, имъ приходится жутко и требуется выручка скорѣй. Офицеръ нашъ, сотникъ Зеленкинъ, отъ скуки, прогуляться ушелъ и ничего не слыхалъ, а артиллеристу, штабсъ-капитану Тебенькову, ловкій деньщикъ

скорѣе всѣхъ коня осѣдлалъ. Самъ онъ схватилъ пашку и револьверъ, вскочилъ на коня, да нарочно, на глаза начальнику отряда и показался. Тотъ и послалъ его съ казаками, а штабсъ-капитанъ этому случаю радехонекъ, потому что въ дѣлѣ побывать всякому хочется. Пушки-то въ тѣхъ мѣстахъ въ дѣло, пожалуй, никогда не попадутъ; Текинцы на артиллерию не суются, а за ними по барханамъ съ пушками не угоняешься. А тутъ случай выпалъ къ казакамъ пристроиться — и ладно. А кабы случилось, что артиллерія понадобилась, такъ онъ и туда поспѣлъ-бы.

«Пѣхотный подпоручикъ Накасинъ тоже къ казакамъ попалъ, потому что прямо попросился у начальника отряда. Тотъ и приказалъ ему стать подъ команду штабсъ-капитана Тебенъкова.

«Штабсъ-капитанъ Тебенъковъ, какъ получилъ приказаніе бѣжать съ казаками, сейчасъ «айда» *) на казачью коновязь—торопить казаковъ, и какъ только тамъ 4 человѣка на коня сѣли, онъ съ ними и побѣжалъ маршъ-маршемъ, а остальнымъ крикнулъ, чтобы какъ кто осѣдлаетъ, пашку, винтовку, да патроны схватить—бѣжалъ-бы за нимъ въ догонку.

«Оставшіеся казаки, извѣстно, не сразу на коня сѣли. Кто проворнѣй, да у кого конь смиреннѣе,—скорѣй осѣдлали; а иные разбрелись: кто на кухню, кто куда—тѣ позже выѣхали. Вотъ и вышло, что по одиночкѣ догоняли своихъ. Такимъ-то манеромъ, казаки и поспѣли во время, на выручку; а коли-бы по улански собираться, да строиться, такъ насъ перерѣзали-бы, пока они, тамъ, «справа по три» рассчитывались-бы!

*) Маршъ.

— Не поминайте его, Лукьянъ Ивановичъ,—сказалъ унтеръ-офицеръ.—Зря болталъ человѣкъ. Богъ съ нимъ!

— То-то, зря,—сказалъ Лукьянъ Ивановичъ.—А коли не понимаетъ дѣла, такъ и не суйся въ разсужденіе. Надо знать, съ кѣмъ дѣло имѣешь и къ кому на выручку идешь. Съ Нѣмцемъ, али съ Туркомъ война — одно, съ Текинцемъ—другое. У насъ, первое дѣло быстрота, потому что Текинецъ на лихомъ конѣ сидитъ. Опять же, коли ты пошелъ роту выручать, такъ, извѣстное дѣло, надо построиться и больше на выручку вести, потому что, какой тутъ толкъ, коли прибѣгутъ 5 или 10 человѣкъ! Да и рота подождать можетъ. Рота-то и сама зубаста; ее скоро не изрубишь. А коли ты къ тремъ человѣкамъ на выручку побѣжалъ, такъ тутъ первое дѣло — скорость, потому что трехъ-то человѣкъ изрубить не долго. Ждать тутъ нельзя. И сколько ты не приведешь на помощь къ нимъ, все ладно. 6 человѣкъ ты прибавилъ къ тремъ—вотъ ужъ ихъ, вмѣсто трехъ, девять стало! Опять же и то надо взять въ расчетъ: штабсъ-капитанъ Тебенъковъ побѣжалъ съ четырьмя казаками—правда,—да вѣдь онъ зналъ, что сзади-то къ нему прибывать станутъ! Онъ и считаетъ, что не съ четырьмя бѣжить, а со всѣми двадцатью казаками.

Лукьянъ Ивановичъ замолчалъ.

— Что же, Лукьянъ Ивановичъ, такъ вы и не рассказали, чѣмъ дѣло-то кончилось? — напомнилъ ему унтеръ-офицеръ.

— Да что, пустяшное вышло! Штабсъ-капитанъ Тебенъковъ добѣжалъ до насъ, выручилъ, увидѣлъ, что передъ нимъ бѣжить нѣсколько десятковъ Текинцевъ и

подумалъ: не обманъ-ли это, не скрываются-ли тутъ, за барханами, ихнія силы! Вотъ, онъ и послалъ къ начальнику отряда подпоручика Накакина, а самъ перешелъ въ рысь, чтобы задніе казаки подтянулись. Торопиться-то теперь ужъ было не зачѣмъ. Со слѣдующаго бархана далъ 3 залпа. Видитъ, Текинцы продолжаютъ отступать; но увидѣвъ, что казаковъ мало, стали отстрѣливаться безъ спѣшнванья съ коней. Отступаютъ не больно торопливо. Не разберешь, въ засаду-ли они заманиваютъ, или, въ самомъ дѣлѣ, ихъ только и есть. Засада, конечно, дѣло опасное, коли она есть; а если нѣтъ ея, то безнаказанно отпускать ихъ тоже не приходится.

«Посадивши казаковъ, Тебенъковъ опять пустился за Текинцами въ догонку. И тѣ ходу прибавили, а Тебенъковъ переменнымъ аллюромъ: по такыру—карьеромъ, а по пескамъ—рысью идетъ.

«Пробѣжавши версты три, опять остановился на барханѣ и открылъ одиночную стрѣльбу. Тѣ еще надали ходу. Казаки патрона по 4 выстрѣлили и опять сѣли. Текинцы полнымъ карьеромъ пошли — наши за ними. Видятъ, раненый конь на трехъ ногахъ ковыляетъ, а потомъ, по пути, стали примѣчать—разныя вещи валяются: то тулупъ, то турсукъ.

«Знаютъ наши этотъ обычай! Значитъ, Текинцы не въ шутку на утекъ пошли, коли стали сбрасывать тяжелыя вещи, чтобы облегчить лошадей.

«Видя это, и Тебенъковъ полнымъ карьеромъ пошелъ.

«Туркменскіе кони знамениты, да и наше войско доброе. Долго скакали, не останавливаясь; 15 верстъ отъ бивуака убѣжали; наконецъ, выѣхавши на бар-

ханъ, увидѣли: впереди огромный такыръ, точно море, разстилается; и конца его не видать; а шагахъ въ тысячѣ впереди—Текинцы удираютъ. Живо спѣшились и опять открыли одиночную пальбу.

«Сюда, на взмыленномъ конѣ, прискакалъ подпоручикъ Накакинъ и доложилъ шт.-кап. Тебенъкову, что начальникъ отряда не приказалъ далеко преслѣдовать.

«— Я и самъ хотѣлъ здѣсь остановиться,—отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.—Дѣло кончено. Видите, какой такыръ. Бархановъ больше нѣтъ. Видно, что непріятеля только и была одна эта шайка, человекъ 40—50. Если сами они въ дѣло не вступаютъ, такъ силой не заставишь и не догонишь. У нихъ кони полтора-два версты могутъ проскакать—попробуй догнать!

«— «Отбой!»—скомандовалъ онъ, видя, что Текинцы вышли изъ ружейнаго огня. Затѣмъ, онъ далъ казакамъ 15 минутъ отдохнуть и покурить, кто этимъ дѣломъ занимается.

Черезъ четверть часа, казаки сѣли на коней и стали собирать имущество, брошенное Текинцами. Не мало всякаго добра набрали: тутъ были: бараньи тулупы, куржумы съ джугаррой*), лепешками**) и разной мелочью, турсуки и даже 3 сѣдла. Ничего, значитъ, не жалѣли Текинцы, лишь-бы только облегчить лошадей и поскорѣй выбраться изъ подъ нашихъ выстрѣловъ: на скаку, подпруги отстегивали и сѣдла изъ подъ себя выбрасывали. Надо полагать, по этому, что отъ нашей стрѣльбы у нихъ порядочный уронъ былъ. Въ нѣкото-

*) Вродѣ просо. Идетъ на муку и на кормъ лошадямъ.

**) Сарты и Туркмены пекутъ хлѣбъ въ видѣ лепешекъ.

рыхъ мѣстахъ, казаки кровь видѣли. Но раненыхъ, кромѣ одного коня, никого на мѣстѣ не осталось. Они всегда, въ такихъ случаяхъ, не только раненыхъ, но и убитыхъ съ собой увозятъ.

«На обратномъ пути, Тебеньковъ поставилъ новый пикетъ; только ужъ не на томъ барханѣ, а на другомъ, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ стараго мѣста, потому что то мѣсто стало уже извѣстно.

«Къ солнечному закату, казаки, нагруженные добычей, съ пѣснями вступили на бивуакъ. Добычу, начальникъ отряда приказалъ подѣлить между казаками, по ровну, считая и насъ трехъ въ равной долѣ. Только мнѣ съ Ахметомъ было отдано, не въ счетъ, еще: ружье, пашка, сѣдло и прочее имущество съ убитаго нами джигита.

«Черезъ два мѣсяца были получены изъ Ташкента, отъ командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, Георгіевскіе кресты: Терехину, Ахмету и мнѣ».

326.

Сергѣй Потѣхинъ.

ЗА БОГОМЪ—МОЛИТВА, ЗА ЦАРЕМЪ—СЛУЖБА НЕ ПРОПАДАЮТЪ.

Максимъ Лукичъ былъ однимъ изъ самыхъ исправныхъ крестьянъ деревни «Зеленые Луга».

Трудолюбивый, бережливый, трезвый, справлялъ онъ и свое хозяйство какъ слѣдуетъ и на барщину поспѣвалъ. На барщину онъ, чаще всего, посылалъ работни-

ковъ, такихъ-же исправныхъ и трудолюбивыхъ, какъ онъ самъ, за что и былъ на хорошемъ счету у своихъ господъ.

Въ молодости, Максимъ служилъ на барскомъ дворѣ. Молодой баринъ, владѣлецъ «Зеленыхъ Луговъ», очень любилъ его за его кроткій, тихій нравъ, безупречную честность, понятливость и трудолюбіе. Еще будучи молодымъ парнемъ, Максимъ самоучкой выучился грамотѣ; баринъ надѣлялъ его всякими книгами и очень любилъ, когда Максимъ, безъ всякаго стѣсненія, вступалъ съ нимъ въ какой-нибудь умный разговоръ и просилъ его разъяснить ему то—то, то—другое, изъ прочитаннаго. Молодаго, хорошаго барина радовала любознательность его «ученика», какъ онъ звалъ Максима, и онъ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ своимъ любимцемъ.

Баринъ былъ страстный охотникъ; Максимъ тоже любилъ охоту и, такимъ образомъ, почти неотлучно находился съ баринкомъ.

Гостей къ барину на охоту съѣзжалось множество; все больше военные, товарищи и сослуживцы молодого барина. Въ лѣсу устраивались охотничьи пиры; Максимъ, какъ хорошій охотникъ и любимецъ барина, находился тутъ-же; онъ прислуживалъ за столомъ, ѣлъ почти-что съ господами и прислушивался къ ихъ рѣчамъ.

Разговоры бывали всякіе: веселые, шуточные, пустячные, но подчасъ говорились умныя и очень серьезные рѣчи. Пустячные разговоры Максимъ пропускалъ мимо ушей, и умныя рѣчи оставлялъ у себя въ памяти и старался ихъ себѣ усвоить. Умный парень не

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Авторъ статьи «**СТЫЧКА СЪ ТЕКИНЦАМИ**», помѣщенной въ №№ 4-мъ и 5-мъ журн. «Чтенія для Солдатъ», изъявилъ желаніе довести до свѣдѣнія читателей, что статья эта напечатана въ журналѣ не въ томъ видѣ, какъ была написана, а въ сокращенномъ, вслѣдствіе чего утратился типъ улана, котораго авторъ изобразилъ тщеславнымъ человѣкомъ, привыкшимъ играть первую роль въ компаніи и придиравшимся къ Лукьяну Ивановичу, съ цѣлію унижить его въ глазахъ товарищей. Эти придирки вызвали ссору, кончившуюся тѣмъ, что уланъ ушелъ отъ компаніи.

Исполняя таковое желаніе г. автора, Редакція, съ своей стороны, считаетъ долгомъ заявить, что сокращеніе статьи, сдѣланное въ Редакціи, было вызвано необходимою выбросить то, что затемняло общій смыслъ и отвлекало вниманіе читателя отъ сути разсказа, а также избавить читателей отъ перебранки, возбужденной заносчивымъ уланомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

2-й годъ. ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ 2-й годъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПСКА НА

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„**ЧТЕНІЕ для НАРОДА**“
ВЪ 1887 году.

Журналъ «Чтеніе для народа» имѣетъ цѣлью содѣйствовать первоначальному научному самообразованію народа, основанному на нравственныхъ началахъ и религіозныхъ истинахъ Православной Вѣры; утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія.

Каждая книжка журнала «Чтеніе для народа» состоитъ изъ пяти отдѣловъ: 1) духовно-нравственный; 2) правительственныя распоряженія и внутреннія извѣстія; 3) научный; 4) повѣсти и разсказы; 5) разныя извѣстія.

Журналъ «Чтеніе для Народа» издается ежемѣсячно, книжками, отъ 6-ти до 7-ми листовъ въ каждой. Въ 12-ти книжкахъ журнала помѣщается до 100 рисунковъ, исполненныхъ лучшими художниками.

Цѣна за годовое изданіе журнала «Чтеніе для Народа», съ бесплатными приложеніями, четыре рубля.